

Александр
Горохов

Войти дважды

Часть 5

Александр Горохов

Войти дважды часть 5

«Автор»

2026

Горохов А.

Войти дважды часть 5 / А. Горохов — «Автор», 2026

Начало 70-х. Главные герои продолжают свою работу. Они переезжают в США в Кремниевую долину. Пауль устраивается в Интел, Ирэн сдает экзамены, получает диплом медсестры и работает в клинике. Пауль знакомится с сотрудниками, постепенно начинает доставать и копировать документы, касающиеся новейших изготовления процессоров. Встречаются с Николаем. Он под видом греческого бизнесмена скупает оборудование якобы для окраски текстиля и тому подобного. На самом деле Пауль объясняет где и как можно купить новейшее оборудование для производства процессоров и плат. Им это удастся. ФБР выходит на их след, но им удастся опередить их и вывезти оборудование, под видом старых прессов пройти таможи, привезти в СССР, наладит и запустить в работу. Их принимает Председатель КГБ и поручает новое задание. Проверку деятельности внешторга. Они выявляют способы хищения и обезвреживают расхитителей.

© Горохов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Горохов

Войти дважды часть 5

1

На одном из барбекю у Дика Павел посетовал, что прибавляет в весе:

— За год набрал 8 кило. Что делать, не знаю.

— Пол, — тут же встряла Мэри, — ты бегом займись. Дик утром перед работой километров пять пробегает, а потом ест всё, что подвернется, и никакой прибавки. Как был 75, так и третий год в этом весе.

— Точно, — кивнул Дик, — жили бы вы поблизости, забежал бы за тобой, а так, если у самого воли не хватает, договорись с Ником. Ему тоже сбросить килограммов десять не помешает.

— Хорошая мысль, Дик, — вступил Ник, — мне нравится. Но пять — это многовато для начала.

— Через месяц будете бегать и больше.

— Ты бы показал, как это делается, глядишь, и пошло бы у нас, — попросил Пол.

— А чего показывать? Надел кроссовки и вперед. Главное — не спешить. Беги в свое удовольствие, размышляй, а как устанешь, переходи на быстрый шаг.

— Так просто? Я думал, что надо дышать как-то по-особенному, ну и так далее. Дик, ты гений! Убедил за пять минут, — засмеялся Ник. — Как, Пол, договорились, завтра в шесть?

— А где встречаемся-то? — спросил Пол. — Возле моего дома или твоего?

— Парень, а я не знаю, где вы живете. Подвозили-то вы с Ирэн меня в тот раз, когда Дик нас познакомил, а не я вас.

— Окей, Ник, тогда завтра у твоего дома в шесть буду.

Разыграв на всякий случай эту сценку, они вроде как узаконили свои встречи по утрам. Теперь, если вдруг парни из ФБР заинтересуются, можно будет сказать, что Дик посоветовал бегать, чтобы сбросить вес. Конечно, это было чепуховым, но прикрытием их ежедневных встреч.

— Паша, — начал говорить Николай в первую же пробежку, — курирует нас Федя. Ему задание дает не Константин Дмитриевич, а какой-то министр электронной промышленности. Они знают, что им надо, а вот что мы можем, представления не имеют. Подготовь, что, где и конкретно позарез нужно нашим электронщикам и чего они сами сделать не смогут. Ты же в этом деле профи.

Павел кивнул.

Через несколько дней у Ника был мелко исписанный листок, на котором Павел написал, кто и что лучшее делает и у кого надо покупать оборудование для производства плат и процессоров.

1. Установка фотолитографии для бесконтактной проекционной литографии. Perkin-Elmer — лучшая фирма. Купить у них установку Micralign (Model 100). Это первый и лучший в мире сканирующий проекционный алигнер (совместитель). Он позволял проецировать маску на пластину без физического контакта, резко увеличивая процент выхода годных чипов.

2. GCA Corporation (подразделение GCA/David W. Mann). Эта фирма — лидер в производстве фотоповторителей и установок генерации оптических шаблонов. Без них невозможно создать маски для литографии.

3. Kulicke & Soffa (K&S) — самый массовый поставщик промышленных установок контактной и зазорной литографии.

4. Kasper Instruments — крупнейший производитель полуавтоматических и автоматических систем совмещения и экспонирования (алигнеров) для работы с кремниевыми пластинами.

5. Cobilt (подразделение Computervision) — делают автоматические системы загрузки пластин и автовыравнивания масок серии Cobilt CA. Купить любую из этих моделей: CA-400, CA-800, CA-2020, CA-3400.

6. Линии прессования многослойных печатных плат. Wabash Metal Products — ведущий американский производитель специализированных гидравлических прессов с использованием тепла и вакуума для ламинирования многослойных печатных плат.

7. Pasadena Hydraulics, Inc. (PHI) — крупнейший поставщик тяжелых прессов для точного прессования слоев многослойных печатных плат. Их прессы обеспечивают строгий контроль температурных профилей и давления, необходимых для запекания эпоксидных смол.

8. Lamination Technology Inc. (LTI). Этот концерн делает комплексные конвейерные линии, включающие не только прессы, но и системы автоматической сборки пакетов плат перед прессованием (lay-up системы).

— Николай, — говорил Павел, передавая листок, — у меня есть полные спецификации и чертежи новейших американских установок фотолитографии и линий прессования многослойных печатных плат. Я залез очень глубоко в последние разработки Intel. Но ты же знаешь, легально КОКОМ нам это не продаст.

Николай едва заметно на бегу улыбнулся:

— Мои фирмы готовы. Обведем этих умников на их же поле. Развернем закупку через подставные контракты. Для них бога нет, для них главное божество — это доллары. Ты даешь техническое обоснование закупок, например, для печати на тканях, или еще что-нибудь более-менее достоверное. Деньги ждут, когда их потратят на эти железяки.

Никас Иоаннидис вовсю рекламировал расширение своего европейского бизнеса. Развернул в Калифорнии широкую сеть контактов. Щедро спонсировал закрытые гольф-клубы, крутился среди топ-менеджеров и устраивал приемы на своей вилле для американских партнеров. Закупал для будущего производства оборудование. Все было легально, и ничего не скрывалось. Использовал свои подлинные документы и репутацию крупного торговца. Договаривался и подписывал контракты с американскими производителями.

Павел помогал Никасу составить спецификации так, чтобы заказываемые узлы выглядели разрозненно. Самую секретную электронику и прецизионную оптику для литографии они закупали частями через разные дочерние компании Никаса в ФРГ и США для «модернизации текстильного печатного оборудования и производства гражданских слуховых аппаратов».

Американские менеджеры, возбужденные миллионными контрактами и авторитетом Никаса Иоаннидиса, активно их исполняли. Все узлы к концу осени 1973 года были официально закуплены и свезены на транзитный склад в Калифорнии.

Павлу пригодился опыт первой жизни. Он отлично знал, как надежно скрыть от таможни все, что она не должна видеть и обнаружить. Ночами, запершись на складе, Пауль и Никас работали сами. Превращались один — из хвастуна-предпринимателя и успешного богача-торговца, другой — из инженера-электронщика в простых парней, рабочих. Павел демонтировал тончайшие лазерные и оптические блоки установок совмещения слоев. Каждую деталь аккуратно заливал защитным техническим воском для предотвращения коррозии от морской влаги и поломок при морской качке и сухопутных перевозках. Ирина доставала из лаборатории клиники специфические химические реактивы, дезинфицирующие препараты, защищавшие от воздействия вредоносных микроорганизмов и плесени, чистейший медицинский спирт, необходимые для консервации оптических линз и обработки микросхем перед упаковкой в воск.

— Смотри, Николай, — Павел показывал на массивные чугунные станины старых гидравлических прессов, которые Никас официально купил на закрывающемся заводе в Илли-

нойсе. — Мы спрячем оптику внутрь полостей этих станин. Сверху зальем глухим слоем гудрона и заварим фальш-панелями. По документам эти машины пойдут как «б/у оборудование для формовки пластмассовых пуговиц».

Никас хмыкал и, зная тонкости оформления документации, перепечатывал спецификации на английском и немецком. Павел, мысленно благодаря Константина Дмитриевича за практику выполнения подделок различных документов, изготавливал металлические шильдики и крепил их на станки. На них неотличимо от настоящих вытравливал логотипы старых американских заводов, добавлял царапины, старил, вымазывал машинным маслом, смешанным с пылью. Закупленные бочки с ценнейшим жидким фоторезистом и кремниевыми пластинами маркировал как «компоненты быстросохнущих лаков для типографий».

Напряжение было колоссальным. Парни хронически недосыпали, валились от усталости, но продолжали работать. Времени было катастрофически мало. ФБР активно искало шпионов. Ирина видела, как сдают парни, и профессионально подбирала для них витаминные комплексы и легкие стимуляторы, позволяя сохранять предельную концентрацию и ледяное спокойствие.

Американские спецслужбы внимательно следили за контактами крупных европейских инженеров, подозревая всех в возможности промышленного шпионажа. Подозревали и Павла. Международные торговцы электроникой тоже были под подозрением. Среди них — и Никас. Но ничего ни на того, ни на другого у них не было. Оба были кристально чисты и законосообразны.

Вторую половину 1973 года Intel жила в режиме жесточайшей гонки. Разработка новых микропроцессоров велась в обстановке строжайшей секретности: американцы стали маниакально бояться промышленного шпионажа. Охрану на входе в техническую зону усилили, сотрудников досматривали. Вынос любых чертежей, спецификаций, других технических документов карался немедленным арестом и тюремным заключением. А выносить документы надо было.

Никакой микрофотоаппарат пронести в рабочую зону было невозможно. Если служба безопасности найдет в кармане немецкого инженера Пауля Мюллера хоть что-то подозрительное, вся операция и годы подготовки к ней кончатся крахом, а для Павла — пожизненным сроком в лучшем случае, в худшем — многолетним.

Павел внимательно изучал поведение американской охраны и решил сыграть на их психологии и особенностях своей инженерной работы.

На выходе из лабораторий стояли рамки металлоискателей, а охрана выборочно проверяла портфели инженеров. Во все синьки чертежей со штампом «Конфиденциально» были вмонтированы специальные магнитные метки в виде тончайшей нити, зашитой в текстуру бумаги. Если такую бумагу пытались вынести, электроника на КПП мгновенно поднимала тревогу.

Павел, будучи ведущим инженером по тестированию полупроводников, имел законный доступ к самой секретной зоне — чистой комнате, где разрабатывались фотошаблоны для процессоров. Свои чертежи и пометки он делал вручную в обычных рабочих блокнотах. Однако выносить их тоже запрещалось — в конце смены все записи сдавались в архив под роспись.

Павел искал брешь в этой системе контроля и нашел в ней уязвимость. Она крылась в американской бюрократии и... в мусорных корзинах. Он продумал каждое движение, зная, что за всеми ведется и прослушка, и видеонаблюдение.

В тот день, когда решил действовать, Павел работал над финальными спецификациями топологии нового процессора. Перед ним лежали сложнейшие схемы послойного напыления кремния. Обладая феноменальной памятью, он четко фиксировал критические параметры: частоты, размеры транзисторов и химический состав подложки, — и намеренно сделал несколько ошибок в расчетах на трех страницах своего рабочего блокнота, а затем изобразил, что увидел ошибки, демонстративно перечеркнул их жирным красным маркером, написал

поперек листа: «Брак! Переделать!». Вырвал эти листы, скомкал и бросил в корзину для секретных бумаг, которая стояла у его стола. По инструкции содержимое этих корзин раз в три дня сжигалось специальной службой в присутствии офицера безопасности.

Но у Павла был продуманный план. Ирина, используя свои связи старшей медсестры, раздобыла флакон со специальным химическим составом — прозрачным полимерным лаком, который использовали в больничной лаборатории для фиксации мазков. Этот лак имел свойство полностью блокировать электромагнитное излучение мелких частиц.

За полчаса до конца смены, когда коллеги ушли на кофейный перерыв, Павел зашел в туалетную комнату технического сектора, вытащил из корзины те самые свои «испорченные» скомканные листы, расправил и обработал края бумаги лаком, полностью нейтрализовав защитную магнитную нить, если, конечно, она там была. Затем аккуратно сложил чертежи в несколько раз и... вложил их внутрь своего массивного инженерного калькулятора Hewlett-Packard HP-35. Этот прибор был набит электроникой, и рамка металлоискателя на выходе в любом случае должна была зазвенеть — инженеры имели право выносить свои личные калькуляторы, предъявляя на них специальный именной пропуск.

После окончания работы Павел подошел к главному КПП Intel. Лицо выражало усталость и желание скорее добраться до дома, поужинать и завалиться спать.

— Добрый вечер, Пауль, — улыбнулся подтянутый американский охранник. — Опять задерживаетесь?

— Да, эти новые схемы выжимают из меня все соки, — со сдержанным немецким акцентом ответил Павел, выкладывая калькулятор в деревянный лоток рядом с рамкой.

Охранник привычно зыркнул на него, проверил личную карточку Пауля Мюллера и кивнул. Рамка предсказуемо пискнула, когда Павел забирал прибор, но это был стандартный шум для инженерной смены. Никаких дополнительных проверок. Охранник просто не посмотрел внутрь батарейного отсека, где вместо двух аккумуляторов лежали плотно спрессованные листы с полнейшей документацией на самые-самые последние процессоры. Дело было сделано!

Вечером того же дня, после пробежки трусцой, скомканные листы с надписью «Брак» лежали на столе в секретной комнате виллы Никаса Иоаннидиса, превращаясь под объективом спецкамеры в микропенки для отправки в Москву.

Так же он поступил еще несколько раз.

2

В конце осени 1973 года Служба безопасности Intel совместно с контрразведкой ФБР зафиксировала утечку данных: кто-то копировал спецификации топологии полупроводников. Прямых улик не было, но под подозрение попал весь сектор тестирования, включая инженера Пауля Мюллера. Немецкое происхождение, недавняя эмиграция и работа в Siemens делали его идеальной мишенью для оперативной проверки. На него ничего у них не было, поэтому агенты ФБР начали мягкую разработку. Павел сразу заметил «хвост» — неприметный серый «Плимут», дежуривший в паре кварталов от их дома, и излишний интерес со стороны нового сотрудника отдела, который подозрительно часто заводил разговоры о политике и тоске по Европе.

Вся тяжесть контрприема легла на плечи Ирины. Она понимала: если ФБР начнет официальный допрос Павла, легенда может треснуть. Нужно было сыграть на опережение и перенаправить внимание спецслужб на ложный след, используя авторитет медицинской клиники, в которой она работала, и в которой лечился Пауль.

Ранним ноябрьским утром в приемный покой клиники вошли двое мужчин в строгих темных костюмах и фетровых шляпах. Их манеры и выправка за версту выдавали сотрудников ведомства Эдгара Гувера.

— Миссис Мюллер? — вежливо спросил старший из них, предъявив удостоверение на имя специального агента ФБР Рэндалла. — Мы бы хотели задать вам несколько вопросов о вашем супруге Пауле Мюллере. Это стандартная процедура проверки для сотрудников, имеющих допуск к оборонным субподрядам Intel.

Ирина удивленно посмотрела на них, пожала плечами, устало вздохнула, поправила стетоскоп и посмотрела на агентов взглядом женщины, чей рабочий день начался в пять утра.

— Разумеется, джентльмены, — сухо ответила Ирина. — Но у меня есть ровно пять минут перед обходом кардиологического отделения.

Агент Рэндалл начал издали:

— Миссис Мюллер, как ваш муж адаптировался в США? Не замечали ли вы в его поведении странностей? Возможно, он встречается с кем-то из европейских земляков вне работы? Или... тратит больше денег, чем обычно?

Ирина горько и очень естественно усмехнулась. Это была безупречная психологическая игра. Она заговорила тоном разочарованной, но преданной жены, которая делится накипевшим:

— О, агенты, если бы его «странности» ограничивались шпионажем, мне было бы намного проще. Мой муж — типичный, занудный немецкий инженер. Он одержим своей работой в Intel. Боготворит её. Единственное место, куда он ходит вне офиса, — это публичная библиотека Сан-Хосе, где он зарывается в старые журналы по радиотехнике. И поверьте, если бы у него появились лишние деньги, я бы первая об этом узнала. Наш бюджет расписан до цента — мы до сих пор выплачиваем кредит за «Форд».

Она сделала паузу, подошла к шкафу с медицинскими картами и с тяжелым вздохом достала пухлую папку с именем «Мюллер Пауль».

— Но если вас действительно интересует его поведение, вам стоит поговорить с его лечащим врачом, — Ирина выложила карту перед агентами. — У Пауля на почве калифорнийского климата обострилась тяжелейшая форма психосоматической аллергии. Нервные срывы из-за дедлайнов в вашей корпорации привели к тому, что у него случаются приступы удушья и панические атаки.

Агент Рэндалл быстро переглянулся с напарником. В медицинской карте, которую Ирина вела лично последние полгода, были аккуратно подшиты фальшивые результаты анализов, рецепты на сильнейшие успокоительные и графики внутривенных инъекций, якобы проводимых Паулю трижды в неделю в клинике.

— Он принимает эти препараты? — спросил ФБРовец, указывая на строчку с мощным седативным средством тех лет.

— Да, — отрезала Ирина. — Из-за них он спит по десять часов в сутки, а в остальное время едва соображает от усталости. Если ваш департамент думает, что человек, находящийся под постоянным воздействием транквилизаторов и страдающий от приступов астмы, способен вести какую-то тайную деятельность — вы переоцениваете его возможности. На следующей неделе я собираюсь ставить вопрос перед руководством Intel о его временном переводе на удаленную бумажную работу. Его здоровье подорвано.

Ирина говорила жестко, профессионально, авторитетно. Перед агентами ФБР сидела не испуганная иностранка, а авторитетный американский медицинский работник, защищающий своего больного, слабохарактерного мужа-неврастеника. Образ «гениального шпиона», который они пытались примерить на Пауля Мюллера, рассыпался на глазах. Из грозного подозреваемого Павел в их отчетах превращался в глубоко больного, забитого работой инженера на таблетках.

— Спасибо, миссис Мюллер. Вы нам очень помогли, — агент Рэндалл поднялся, вернув карту. — Извините за беспокойство. Пожалуй, медицинские показатели снимают наши вопросы.

— Всего доброго, джентльмены. Постарайтесь не доводить моего мужа вашими расспросами в офисе, иначе мне придется зафиксировать производственную травму, — строго бросила им вдогонку Ирина.

Когда федералы вышли из клиники, Ирина подошла к окну. Она проводила взглядом их черный автомобиль. Напряжение, державшее ее все эти двадцать минут, ушло, оставив лишь холодный расчет. Она вышла на улицу, закурила, убедилась, что слежки нет, направилась к таксофону на углу улицы и набрала условный номер Никаса Иоаннидиса.

— Доктор? — раздался в трубке голос Николая.

— Диагноз подтвержден, — спокойно произнесла Ирина. — Пациенту Мюллеру рекомендован полный покой и смена обстановки. Срочно переводите его на амбулаторное лечение в Европу.

Никас на том конце провода все понял без слов. ФБР проглотило наживку, которую они втроем подготовили на случай, если начнется слежка или появятся подозрения к Павлу. Оставаться в Калифорнии было опасно. Павел был сверхнеобходим в Москве. Кроме него, ни с документацией, ни с оборудованием никто не смог бы разобраться. Наступало время срочной эвакуации закупленного оборудования через океан под прикрытием «пуговичных прессов». Времени оставалось в обрез. Агенты ФБР могли быстро разобраться и понять, что идут по ложному следу, вернуться и... тогда провал.

3

Ирина технично увела агентов ФБР по ложному следу, и это подарило им несколько недель. Завершение операции легло на плечи Николая — респектабельного греческого бизнесмена Никаса Иоаннидиса. Его действия были давно продуманы, и задача была ювелирной: экстренно свернуть дела в США, погрузить контрабандное высокотехнологичное оборудование на сухогруз и исчезнуть, но сделать это так, чтобы американские партнеры, банки и налоговая служба не заподозрили панического бегства.

Никас действовал в стиле классического, агрессивного капитализма.

В офисе его компании в Окленде непрерывно звонили телефоны. Никас, одетый в дорогой костюм, с неизменной сигарой в руке, намеренно создал вокруг себя атмосферу предпраздничной лихорадки и жесткого цейтнота. Вместо того чтобы тихо и неприметно паковать чемоданы, он, наоборот, объявил американским поставщикам оборудования из Kasper Instruments и Cobilt, что его фирма расширяет экспансию на южноамериканский рынок.

— Джентльмены, у нас горит контракт в Буэнос-Айресе! — гремя льдом в стакане с виски, говорил Никас на встрече с вице-президентом американской компании-поставщика. — Аргентинцы готовы платить золотом, но требуют отгрузку до конца налогового года. Если мы не отправим контейнеры на этой неделе, я расторгаю сделку и забираю свои триста тысяч долларов обратно!

Для американских менеджеров, боявшихся потерять колоссальные комиссионные в конце года, это стало мощнейшим стимулом. Вместо долгих бюрократических проверок комплектации они сами начали давить на портовую таможню, требуя максимально быстрого оформления документов на вывоз, лишь бы закрыть сделку и получить деньги от богатого грека.

Пока Пауль Мюллер продолжал по ночам на складе упаковывать последнюю поступившую оптику и процессоры в полости тяжелых станин от подержанных прессов, заливая их воском, Никас зачищал финансовые хвосты. Он не стал закрывать счета компании напрямую — это вызвало бы подозрения у банковского контроля. Вместо этого он применил стандартную для тех лет схему факторинга: переуступил все текущие контракты и мелкие долги своей «Pacific Electronics» реальной американской брокерской фирме со скидкой в 15%. Амери-

канцы с радостью ухватились за легкую прибыль, юридически забрав компанию Никаса под свой контроль.

Пауль Мюллер, бледный, постоянно принимающий таблетки, официально уволился «по состоянию здоровья». Медицинская карта в клинике подтверждала аллергию и нервное истощение. Никас тут же нанял Пауля в качестве «независимого европейского консультанта» для сопровождения аргентинского груза. Все выглядело логично: больной инженер возвращается в Европу, попутно подрабатывая на солидную греческую компанию.

Жена Никаса прислала телеграмму и постоянно названивала, сообщая, что приехать к нему в Сан-Франциско не может, *что* тяжело заболели родственники, и, если он хочет увидеть их еще живыми, то должен немедленно приехать, умоляя его сделать это поскорее. Иоаннидис ходил хмурый, переживал, говорил, что не хочет отсюда уезжать, но обстоятельства складываются по-другому. Официально выставил на продажу через крупное агентство недвижимости свой дом. ФБР видело стандартную картину: бизнесмен сворачивает малорентабельный филиал в США, идет на поводу у семейных обстоятельств и переносит штаб-квартиру обратно в Европу.

Декабрьская ночь 1973 года встретила их пронизывающим туманом с залива Сан-Франциско. В порту Окленда, у пирса, стоял огромный океанский сухогруз «Atlantic Trader», шедший под либерийским флагом.

Никас лично контролировал погрузку. Огромные портовые краны со скрежетом опускали в трюм тяжелые контейнеры. По всем таможенным декларациям, заверенным американскими банками, внутри находились «б/у гидравлические прессы для пуговичной фабрики» и «компоненты типографских лаков». Американская таможня, простимулированная рождественскими подарками от фирмы Иоаннидиса и подгоняемая вице-президентом Intel, которому Никас пообещал долю в аргентинском бизнесе, подписала бумаги, практически не глядя. На контейнеры легли тяжелые свинцовые пломбы порта Окленд.

Наконец, угодив как раз в пик рождественской и предновогодней запарки на таможне, контейнеры с упакованным оборудованием покидали порт Окленда и вот-вот должны были направиться в сторону Панамского канала. А полный комплект добытой документации в микропленках уже ждал Павла на родине. Его, забрав из тайника, по дипломатическим каналам переправил в Москву атташе посольства.

Павел и Ирина стояли на пассажирской палубе того же терминала, оформляя билеты на утренний авиарейс до Лондона. Павел, все еще симулирующий легкую одышку, опирался на руку жены. Они смотрели, как контейнеры исчезают в чреве сухогруза.

Никас подошел к ним у самого выхода из терминала. На нем было длинное кашемировое пальто, шляпа, слегка надвинутая на глаза. Он протянул Павлу зажигалку, как бы прикуривая сигарету.

— Всё, Паша, Ирочка, — едва слышно, одними губами произнес Николай. — Корабль отходит через час. Юридически в США нас больше нет. Моя «Pacific Electronics» принадлежит американским брокерам, пусть ФБР теперь ищет концы у них.

— Удачи тебе, Николай, — так же тихо ответил Павел, пряча зажигалку в карман.

Никас уверенно улыбнулся, поправил воротник пальто и растворился в портовом тумане. Через сорок минут сухогруз «Atlantic Trader» медленно отвалил от пирса и взял курс на Панаму, увозя в своих трюмах замаскированное сердце будущей советской компьютерной индустрии.

Никас через несколько часов улетел в Панаму, Павел с Ириной — в Лондон, а оттуда, убедившись, что все в порядке, отправил жену в Гамбург, а сам — в Панаму, на встречу с Николаем.

Новый 1974 год Никас встретил в прохладном, кондиционированном номере престижного отеля в Панама-Сити. Пока сухогруз мерно резал форштевнем волны Карибского моря, приближаясь к Панамскому каналу, греческий коммерсант Никас Иоаннидис изучал юридические справочники, морские карты и бланки инвойсов.

Никас понимал: порты Панама — это «черная дыра» мировой логистики и идеальное место для того, чтобы спрятать концы в воду. Если бы контейнеры пошли из США напрямую в Европу на имя американской фирмы, аналитики КОКОМ и ЦРУ в Гамбурге сразу бы зацепились за этот след при сверке таможенных баз. Груз должен был юридически «умереть» как американский и «родиться заново» как чистокровный европейский транзит, причем сделать это прямо во время стоянки сухогруза в порту Кристобаль.

За три дня до прибытия судна Никас, используя свои подлинные документы, подкупил местного регистратора и за пару тысяч долларов наличными открыл в оффшорной зоне Панама судоходную компанию «Linea Transatlantica S.A.». Фирма не имела ничего, кроме арендованного почтового ящика и счета в местном банке, где Никас разместил часть своих европейских капиталов. Одновременно с этим Николай активировал свою законную дочернюю компанию в Западной Германии — «Muller & Ioannidis Import GmbH», зарегистрированную в Штутгарте.

Как только «Atlantic Trader» бросил якорь в порту Кристобаль для заправки и ожидания своей очереди на проход через шлюзы, Никас поднялся на борт вместе с портовым агентом. Капитану судна, расслабленному американцу, было абсолютно все равно, кто платит за фрахт, пока деньги поступают вовремя.

Никас выложил на стол капитана пакет документов.

— Джентльмены, планы поменялись, — Никас пустил густой дым от сигары и начал объяснять. — Мой аргентинский покупатель обанкротился, пока судно шло через Карибы. Я перепродал весь груз европейскому консорциуму. Мы разгружаем контейнеры не в Буэнос-Айресе, а везем их в Гамбург.

Прямо в каюте капитана Никас провернул двойную юридическую переуступку прав: американская компания «Pacific Electronics» продала права на груз только родившейся панамской фирме «Linea Transatlantica» за смешные деньги, как неликвидный арестованный товар. В ту же минуту эта самая созданная Никасом «Linea Transatlantica» перепродала эти же контейнеры штутгартской компании «Muller & Ioannidis GmbH».

На бумаге американское промышленное оборудование растворилось. Для любого внешнего наблюдателя контейнеры теперь содержали «европейское транзитное имущество, возвращаемое со склада в Латинской Америке на базу в ФРГ».

Самый рискованный этап этой операции происходил глубокой ночью на причале Кристобаля. Никас нанял бригаду местных портовых рабочих, которые за стодолларовые купюры были готовы не задавать лишних вопросов и забыть все, что видели. Под прикрытием тропического ливня, глушившего все звуки, контейнеры с оборудованием были временно сгружены на рампу. Павел, прилетевший в Панаму по своим немецким документам на имя Пауля Мюллера, лично контролировал процесс. Его профессиональный взгляд подмечал каждую мелочь. С помощью специальных гидравлических клещей и оригинальных американских оттисков, которые Никас загодя раздобыл через свои каналы, рабочие аккуратно срезали оригинальные пломбы порта Окленд. Вместо них на двери контейнеров легли новые, тяжелые панамские таможенные пломбы.

Затем Павел и Никас лично орудовали трафаретами и быстросохнущей краской. Старые американские транспортные маркировки на деревянных ящиках внутри контейнеров безжалостно замазывались. Поверх них ложились аккуратные немецкие штампы: «Eigentum von Muller & Ioannidis GmbH. Bestimmungsort: Hamburg, BRD» — «Собственность Мюллер и Иоаннидис. Пункт назначения: Гамбург, ФРГ». Все спецификации были переписаны на немец-

ком языке. Оборудование Intel окончательно превратилось в «партию подержанных гидравлических прессов для пуговичной мануфактуры в Баварии».

Когда утром сухогруз «Atlantic Trader» вошел в первый шлюз Панамского канала, держа курс на Атлантику, юридически это было уже совсем другое судно с совершенно другим грузом. Американские спецслужбы, если бы они решили проверить портовые базы Сан-Франциско, увидели бы, что фирма «Pacific Electronics» закрыла все дела, а её груз затерялся где-то на складах Латинской Америки.

Никас и Павел стояли на причале, глядя вслед уходящему кораблю.

— Чисто сработано. Когда ты всему этому научился? — тихо спросил Павел, поправляя воротник легкой рубашки.

— А ты думаешь, я в Швеции и Норвегии не учился, а по кабакам шлялся?

— Да, дядя Коля, ты гений!

Николай довольно прищурился на ярком солнце:

— А то!

— Теперь американцы точно потеряли след. Для КОКОМ мы чисты. Они увидят обычный внутриевропейский транзит старого железа.

Никас иронично шмыгнул носом, кивнул и спрятал пачку панамских документов в свой кожаный дипломат:

— Мы обрубали все концы, Паша. Теперь груз идет домой, под нашу юрисдикцию в ФРГ. В Гамбурге нам понадобятся стальные нервы.

— Это точно, — согласился Павел. — Там будет самая сложная вторая часть нашего Марлезонского балета. Немецкая таможня — это не расслабленные калифорнийцы.

Через два дня Николай и Павел вылетели в Европу. Панамская ловушка захлопнулась, оставив аналитиков ФБР и ЦРУ с ворохом пустых, ни к чему не ведущих американских справок.

5

Через полтора месяца, зайдя в несколько портов и догрузившись дешевым ширпотребом, сухогруз прибыл в порт Гамбурга. Февраль 1974 года встретил их в порту Гамбурга ледяным штормовым ветром с Эльбы. Сухогруз Atlantic Trader наконец ошвартовался у пирса. В его трюмах, зажатые со всех сторон ящиками с ширпотребом и еще непонятно чем, возвышались их контейнеры.

Здесь, в Западной Германии, Паулю Мюллеру предстояло выдержать лобовой удар немецкой таможенной машины. Немецкие инспекторы славились своей педантичностью: они не брали взятки, верили только фактам и досконально проверяли каждый шильдик, каждый документ, каждую справку и квитанцию.

Внутри огромного ангара деревянные ящики уже стояли на бетоне. Возле них, держа в руках планшет с накладными, прохаживался пожилой таможенный инспектор. На его строгой форме блестели латунные пуговицы, а взгляд маленьких водянистых глаз не обещал ничего хорошего. За его спиной стояли двое дюжих портовых рабочих с ломami и гидравлическими домкратами.

— Господин Мюллер? — сухо спросил Шмидт, бросив на Павла колючий взгляд. — Фирма «Muller & Ioannidis»? Транзитная декларация из Панамы на Финляндию. Оборудование для пуговичного производства.

— Да, господин инспектор, — Павел вежливо, но сдержанно кивнул, продемонстрировав идеальный штутгартский акцент. — Мой компаньон, господин Иоаннидис, перекупил эту партию прессов у обанкротившихся латиноамериканцев. Мы везем их на мануфактуру под Хельсинки.

Шмидт медленно обошел вокруг первого ящика, постукивая по дереву толстым пальцем.

— Маршрут выглядит странно. США — Панама — Гамбург — Финляндия. Зачем везти старые тяжелые прессы через полмира, если в Руре можно купить новые? Это экономически нецелесообразно. А то, что нецелесообразно, всегда вызывает у меня подозрения.

Аналитический мозг Павла, работавший на полную мощность, мгновенно просчитал психологический портрет инспектора. Перед ним был старый служака, дотошный педант, который гордился своей проницательностью. Проявлять страх или излишнюю вежливость было нельзя — немцы считают это как вину. Нужен был контролируемый конфликт.

Павел раздраженно вздохнул, демонстративно взглянул на часы и с досадой всплеснул руками:

— О, господин инспектор! Если бы вы знали, как я согласен с вами! Этот контракт — чистой воды безумие моего шефа. Господин Иоаннидис умудрился влезть в эту панамскую авантюру, поверив на слово своим греческим родственникам. А я, как технический директор, теперь вынужден возиться с этим металлоломом! Мы уже переплатили за морской фрахт столько, что эти прессы станут золотыми. Посмотрите на спецификации!

Павел уверенно протянул Шмидту толстую папку документов. Папка была оформлена гениально. Помимо безупречных панамских инвойсов, там были подшиты реальные счета немецких ремонтных мастерских, где якобы планировалось заказать новые детали для этих старых станков. Это создавало идеальную иллюзию рутинной, даже слегка убыточной коммерческой деятельности.

Шмидт внимательно изучил бумаги, но его лицо оставалось непроницаемым.

— Вскрыть ящик номер два, — скомандовал он рабочим.

Ломы с жутким скрежетом вонзились в дерево. Доски с треском полетели на бетон. Внутри, окутанная густым запахом консервационной смазки и дешевого мазута, показалась массивная, грубо отлитая из серого чугуна станина гидравлического пресса. На ней намертво сидел фальшивый, искусно состаренный Павлом крупный шильдик: «Chicago Hydraulic Press Corp. Model 1958».

Павел намеренно испачкал станину аутентичной грязью и масляными потеками. Ни один человек в мире, глядя на этот кусок стодвадцатитонного железа, не смог бы догадаться, что внутри литой полости, защищенные толстым слоем технического воска и вакуумной полимерной пленкой, спрятаны сверхтехнологичные лазерные и оптические блоки американских установок фотолитографии Intel.

Шмидт подошел вплотную. Он достал из кармана небольшой фонарик и посветил в технические зазоры станины. Пульс Павла оставался ровным — 65 ударов в минуту. Спецподготовка в КГБ и огромный опыт первой жизни приучили его тело к абсолютному контролю. Он спокойно стоял рядом, засунув руки в карманы куртки, изображая глубокую скуку и усталость.

Инспектор постучал обухом маленького топорика по чугуну. Звук был глухой, тяжелый, монолитный. Смазка полностью гасила любые акустические резонансы.

— Тяжелая штукавина, — проворчал Шмидт, вытирая пальцы от мазута. — И вы утверждаете, что это всего лишь пуговичный пресс?

В этот момент двери ангара распахнулись, и внутрь быстрой, уверенной походкой вошла Ирина. На ней было элегантное европейское пальто, а в руках она держала медицинский саквояж. Она выглядела как типичная, уважаемая немецкая фрау, взволнованная здоровьем мужа.

— Пауль! — звонко и с укором позвала она по-немецки. — Ты снова забыл свои ингаляторы! Доктор в Штутгарте строго запретил тебе находиться на холодном портовом воздухе с твоей астмой! Господин инспектор, извините меня, — Ирина повернулась к Шмидту, включив все медицинское обаяние старшей медсестры. — Мой муж совершенно не бережет себя. Эти приступы удушья из-за панамской сырости едва не довели его до больницы.

Это был безупречный отвлекающий маневр, спланированный заранее. Появление взволнованной женщины и упоминание тяжелой болезни окончательно разрушили официальную, напряженную атмосферу досмотра. Инспектор Шмидт, будучи пожилым человеком со своими болячками, понимающе взглянул на Ирину, а затем на бледного инженера Пауля Мюллера, который искусно подыграл жене, слегка поджав губы.

Шмидт перевел взгляд на документы, затем на испачканный мазутом чугун. Иллюзия была стопроцентной: перед ним была заурядная, изматывающая работа по перевозке старого оборудования, которой занимался больной немецкий техник под присмотром заботливой жены. Искать здесь международный шпионаж или секреты микроэлектроники было просто смешно.

— Ладно, господин Мюллер (— *строчная «м» в немецкой фамилии*), — Шмидт спрятал фонарик и решительно занес тяжелый таможенный штамп над транзитной декларацией. — Забирайте свой металлолом. И слушайте жену, портовый воздух Гамбурга не щадит легкие.

Тяжелый штамп с грохотом опустился на документы: «Zollfrei. Transit nach Finnland», что по-русски означало — «Освобождено от пошлин. Transit на Финляндию».

Пауль вежливо поклонился инспектору. Ирина под руку вывела мужа из ангара. Как только они вышли на рампу, где их уже ждал Никас в заведенном автомобиле, Павел незаметно сжал руку Ирины. Они сделали это. Последний, самый страшный таможенный барьер в Западной Европе был пройден без единого выстрела и без тени подозрений. Через несколько часов четыре огромные фуры с финскими номерами, уже зафрахтованные Никасом, примут эти ящики, чтобы начать свой триумфальный и беспрепятственный бросок к границам Советского Союза.

Рабочие заколотили на прежнее место отодранные доски. Пауль обернулся к водителям уже ожидавших фур, закашлялся, потом крикнул:

— Грузите, парни, и погнали дальше.

Внутри ящиков, сколоченных из грубо оструганных досок, а если копнуть еще глубже — внутри старых чугунных станин гидравлических прессов, защищенные воском, смолой и сталью, прятались новейшие узлы от самого современного оборудования для изготовления многослойных плат и процессоров.

Из Гамбурга груз пошел сушей. Никас нанял проверенные финские фуры-рефрижераторы. Финские дальнбойщики имели зеленый коридор в Европе, их практически не досматривали на границах. Pavel (— *английское имя, заменяем на русское: Павел*) и Николай сопровождали колонну на неприметном автомобиле.

Весной 1974 года четыре огромные фуры пересекли советскую границу на КПП Торфяновка, где их без задержек, по специальному шифру, пропустили пограничники КГБ.

Проехали несколько километров. Николай остановил машину. Посмотрел на Павла:

— Ну, что, малыш, кажется, приехали домой! Можно немного расслабиться.

Павел отрицательно покачал головой:

— Нет, дядя Коля, когда сдам в Зеленограде, когда все это богатство соберут, наладят, тогда я смогу расслабиться, а пока только ты.

— А если не наладят, тогда придется разбирать и назад вести? — Николай соорудил печальную физиономию.

Оба заржали. Напряжение спало. Они действительно были дома.

6

Ворота сверхсекретного подмосковного НИИ закрылись за грузовиками. Военные инженеры аккуратно разбирали станины, смывали растворителями воск и смолу, извлекали упакованные в полимерную пленку девственно чистые, сияющие хромом и оптикой компоненты и детали американских установок для производства полупроводников. Потом собирали из них

по чертежам, скопированным Павлом в Кремниевой долине, установки. Налаживали их с его помощью. Проводили первые пуски. Корректировали. Снова запускали и налаживали. Наконец, линия, а фактически завод, был запущен.

В конце осени 1974 года в подмосковном Зеленограде, за глухим бетонным периметром сверхсекретного НИИ электронной технологии, царило глухое ночное безмолвие. Но в чистой комнате главного лабораторного корпуса горел ослепительно белый свет. В воздухе, прогнанном через мощные угольные фильтры, не было ни единой пылинки.

В центре зала на массивных фундаментах стояли они — отмытые от портового мазута, очищенные от консервационного воска американские установки последних моделей. Сложнейшая оптика, прецизионные узлы совмещения слоев и центрифуги для нанесения фоторезиста сияли заводским хромом. Еще несколько месяцев назад они были замурованы в чугунные полости «пуговичных прессов», а сегодня на них с благоговением смотрели ведущие советские физики, академики и технологи.

В день пуска Николай приехал вместе с Павлом. Он впервые увидел полностью собранную установку и не мог пропустить её запуск.

Главный технолог НИИ, седой профессор в массивных очках, дрожащими пальцами удерживал вакуумный пинцет. В пинцете покоилась идеально круглая, зеркальная кремниевая пластина диаметром три дюйма — та самая, что Павел под видом «типографского лака» вывез из Калифорнии.

— Ну что, товарищи, с Богом? Вы подарили нам то, что наши институты конструировали бы еще лет десять. Попробуем запустить американское сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.